

В конце концов, Цао Цао принял Лю Бэя. С одной стороны, он не желал терять доверие Поднебесной из-за казни человека, пришедшего с поклоном, с другой — все его мысли были заняты подготовкой к южному походу, и ввязываться в затяжные споры не хотелось.

В смутные времена празднование Нового года не откладывали — даже если церемонии проводились наспех, их всё равно соблюдали. Будучи предводителем, Цао Цао собрал своих советников и полководцев на пир. Вино и беседы должны были укрепить узы между ними. Трудно сказать, насколько это помогло делу, но когда хмель ударил в голову, Го Цзя, никогда не отличавшийся строгостью нравов, не смог усидеть на месте. С кубком в руке и блуждающей улыбкой он подсел к Сюнь Юю, шумно требуя пить с ним до самого рассвета. Тот пить не умел; едва пригубив несколько чаш, он уже раскраснелся и теперь сидел на своем месте, окутанный туманом опьянения, не в силах сообразить, что происходит.

— Вэньжо, Вэньжо, не спи! — Го Цзя теребил его за плечо. — Наконец-то выдалась минутка отдыха, а ты и повеселиться не хочешь.

Сюнь Юй медленно, словно во сне, повернул голову и нетвердой рукой принял предложенный кубок. Он хотел что-то возразить, но слова застряли в горле, и он просто осушил чашу до дна. Видя такую решимость, Го Цзя рассмеялся и сам приложился к вину с удвоенным усердием.

— Вэньжо, пей! Ха-ха!..

— Послушай... Фэнсяо... — Сюнь Юй подпер голову рукой, чувствуя, что мир перед глазами начинает двоиться. — Больше... нельзя... Если выпью еще, не дойду до дома... ноги не держат.

— Пустяки! — Го Цзя, окончательно отбросив приличия, навалился плечом на Сюнь Юя. — В крайнем случае заночуешь здесь, у господина главнокомандующего.

Конечно, не все предавались такому безудержному веселью. Большинство гостей пребывали в том благостном состоянии, когда разум еще не помутился, а язык уже развязался. Однако были и исключения — например, Чэн Юй. Он смотрел ясно и остро, и долго наблюдал за тем, как Фэнсяо изводит Сюнь Юя своими выходками. На правах старого соратника он не выдержал. Склонившись к Цао Цао, он негромко произнес:

— Господин Цао, нельзя так потакать Го Цзя. Посмотрите на него: середь бела дня — вернее, на глазах у всех — обнимает господина Сюнь Лина. Это же полное попрание приличий! Боюсь, пройдет время, и Сюнь Юй станет таким же беспутным.

Цао Цао лишь беспечно улыбнулся:

— Чжундэ, не стоит беспокоиться. Характер Вэньжо мне ведом лучше всех. Разве найдется среди присутствующих кто-то более сдержанный и надежный, чем он? Что же до Фэнсяо... он человек исключительный, разве можно мерить его обычными мерками?

Чэн Юй не был закаменелым сухарем. Услышав такой ответ, он со вздохом облегчения и некоторой грустью заметил:

— Эх, старею я, не понять мне нынешнюю молодежь. Но раз вы, господин, считаете, что так можно — значит, так тому и быть.

Он рассмеялся и поднял кубок, салютуя Цао Цао. Сидевший неподалеку Сюнь Ю подслушал этот разговор и тихо хихикнул. Глядя на своего дядю, который был на пять лет младше него самого и теперь совершенно терялся под натиском тридцатилетнего повесы, он рассмеялся еще задорнее.

Пока у Го Цзя царил кавардак, братья Цао Ан и Цао Пи вели себя куда скромнее. Старший брат то и дело отвечал на тосты, а Цао Пи молча и сосредоточенно уплетал свои любимые сладости. Когда чередка приветствий прервалась, Цао Ан заметил, что младший брат перестал тянуться к тарелке.

— Что случилось, А-Пи?

Мальчик поднял голову, и в его темных глазах отразился свет свечей.

— Старший брат, вы ведь скоро отправляетесь на юг?

Цао Ан погладил его по голове:

— Верно. Отец узнал, что Чжан Сю принял командование над войском своего покойного дяди, и хочет воспользоваться случаем, чтобы подчинить его.

— Можно мне поехать с вами? — В голосе Цао Пи промелькнула надежда.

Цао Ан на мгновение замер, постукивая пальцами по столу.

— С чего вдруг такие мысли?

— Я не хочу вечно сидеть дома под защитой. Я хочу стать таким же, как ты — совершать подвиги и служить государству.

— Мне казалось, раньше ты думал иначе.

Цао Пи не стал отпираться:

— Да, но ты сам сказал: «Чтобы люди смотрели на тебя с уважением, нужно иметь то, за что

тебя можно уважать». Я хочу стать таким человеком.

«Значит, всё-таки из-за моих слов», — подумал Цао Ан. Разве не к этому он стремился? Научить этого ребенка бороться в смутное время и выживать в огне войны. Глядя на юное, еще не огрубевшее лицо брата, Цао Ан почувствовал, как к сердцу подкатывает печаль. Он притянул мальчика к себе и негромко произнес:

— Пусть проливать кровь будет моей заботой, А-Пи. Тебе не обязательно этому учиться.

— Кровь? Но ведь это больно? Я не хочу, чтобы тебе было больно одному.

Цао Ан медленно погладил его по спине, чеканя каждое слово:

— Запомни, А-Пи: рана, которую можно увидеть — это всего лишь рана. Боль, о которой можно сказать — лишь мимолетная мука. Это пустяки. Пусть на полях сражений гибнем мы — этого достаточно. Я хочу, чтобы ты жил. И чтобы однажды ты смог по-настоящему утешить эти горы и реки, окропленные нашей кровью.

Понял ли тогда Цао Пи слова брата? Наверное, это было не так уж важно. Главное — запомнить. Время и годы заставят его понять всё, даже если он сам того не захочет.

Уткнувшись в грудь брата, Цао Пи почувствовал, как накатывает дремота.

— Брат... — пробормотал он сквозь сон, — та «Весна Восьмого месяца»... она очень красивая. Когда-нибудь я сам приду на гору Шоуян, чтобы на нее взглянуть...

Пир продолжался до полуночи, пока гости не начали расходиться. Го Цзя, пивший больше всех, ушел довольный собой и, на удивление, твердой походкой. А вот бедному Сюнь Юю повезло меньше: его опоили так, что он перестал различать стороны света. Сюнь Ю стоял рядом с дядей, одновременно сочувствуя ему и едва сдерживая смех. Он и сам был изрядно пьян, и задача дотащить Вэньжо до поместья казалась почти невыполнимой.

Цао Цао, словно предвидя такой исход, подошел к Сюнь Ю:

— Гунда, ступай домой. Пусть Вэньжо заночует у меня. Завтра нам всё равно нужно обсудить важные дела.

Сюнь Юю еще никогда голос господина Цао не казался таким мелодичным. Боясь, что тот передумает, он поспешно поклонился, рассыпался в благодарностях и быстро скрылся в ночи.

Цао Цао присел рядом с Сюнь Юем. Тот уткнулся лицом в низкий столик, выставив на свет лишь край раскрасневшейся щеки. Он вдруг негромко рассмеялся.

— Эй, кто-нибудь! Перенесите господина Сюнь Лина в покои и помогите ему лечь.

— Слушаемся.

Глядя, как слуги бережно уводят пошатывающегося Сюнь Юя во внутренний двор, Цао Цао тоже поднялся. Ему хотелось освежить голову.

Зимний ветер обжигал лицо. Спустя четверть часа хмель окончательно выветрился, уступив место предельной ясности мыслей. Сидя в одиночестве в саду за каменным столом, Цао Цао думал о многом: об императоре Хань, которого он поселил в своей ставке; о планах похода на юг; о множестве мелких забот.

Тяжело вздохнув, он направился к комнате, где устроили Сюнь Юя. Едва переступив порог, он почувствовал тонкий, едва уловимый аромат — благородная горечь духов Вэньжо смешивалась с резким запахом вина Дукан. Цао Цао прикрыл за собой дверь, подошел к столику и налил себе чаю.

Слабые нити лунного света просачивались сквозь окно, разгоняя мрак. Цао Цао долго и молча смотрел на лицо спящего Сюнь Юя. Наконец, из его груди вырвался глубокий вздох. Время течет, и всё меняется — порой так незаметно, что становится страшно.

Он помнил, как всего несколько месяцев назад этот благородный муж, стоя перед ним, четко и ясно излагал причины, по которым следовало принять императора. Его слова внушали трепет и уважение. «Но теперь мне этого мало», — подумал Цао Цао. Слова о «почитании Сына Неба, чтобы приказывать непокорным вассалам» были лишь красивой ширмой для других. То, чего он жаждал на самом деле...

Цао Цао подошел к кровати и осторожно поправил разметавшиеся волосы Вэньжо.

«Знаешь ли ты, Вэньжо, чего я хочу больше всего на свете?.. Если бы ты узнал, остался бы ты со мной, как обещал тогда?..»

Ответа не было. Да Цао Цао и не ждал его — ему просто нужно было высказаться в тишине.

Облако закрыло луну, погрузив комнату в полную темноту. Теперь Цао Цао не видел лица друга, лишь ощущал в воздухе его аромат. С тихим скрипом лакированная дверь закрылась, вновь разделив их. Цао Цао взглянул на заходящую луну и горько усмехнулся.

В первый месяц второго года эры Цзяньъань Цао Цао повел войска на юг и достиг Ваньчэна. Возможно, до этого дела шли слишком гладко, и это вскружило ему голову. Чжан Сю, понимая, что его неопытное войско не выстоит, добровольно сдал город. Однако Цао Цао, пленившись красотой вдовы его покойного дяди, силой взял ее в наложницы.

Узнав об этом, Чжан Сю пришел в ярость. Его гнев был настолько велик, что он не таясь кричал: «Цао Цао нанес мне нестерпимое оскорбление!» Конечно, у стен есть уши, и слова Чжан Сю вскоре дошли до ушей главнокомандующего.

Цао Цао не привык терпеть подобную дерзость — сам император относился к нему с почтением. Но Чжан Сю уже объявил о своей покорности, и покарать его открыто было нельзя. Впрочем, когда есть желание, повод найдется. Он обратил внимание на телохранителя Чжан Сю по имени Ху Чэ'эр и понял, что тот пользуется безграничным доверием своего господина. Однажды ночью он вызвал его к себе в шатер для тайного разговора, надеясь через него повлиять на Чжан Сю.

Но Чжан Сю тоже не был простаком. Проведав о связях своего человека с Цао Цао, он почувствовал смертельную угрозу, опасаясь тайного убийства.

В итоге Цао Цао, который уже собирался распускать войска и праздновать победу, снова задумал убийство: он не терпел людей с двоящимися мыслями. Однако его намерения не остались тайной и достигли ушей Чжан Сю.

Тот в ужасе метался по своему шатру, словно затравленный зверь. Напротив него, сохраняя полное спокойствие, сидел немолодой человек в одеждах советника, медленно обмахиваясь веером.

Чжан Сю подскочил к нему, всплеснув руками:

— Да помилуйте, сейчас ли время чаи распивать?! Придумайте же что-нибудь! Дядюшка Цзя, зываю к вам!

Человек с холодными, резкими чертами лица медленно поднял взгляд.

— Против силы — армия, против воды — дамба, — невозмутимо произнес он. — Пока я здесь, к чему эта суета?

Он отхлебнул чаю и ледяным тоном добавил:

— Если я решу, что человек должен умереть в третьей стражу — никто не посмеет оставить его в живых до пятой. Но если я захочу, чтобы он жил — никто не сможет его убить.

<http://bllate.org/book/17368/1694198>